

Германские представители встречают в Брест-Литовске советскую делегацию во главе с Львом Троцким

ХУДОЙ МИР

В марте этого года исполняется 105 лет Брестскому миру, позволившему России закончить Первую мировую войну. Затянувшиеся переговоры сопровождались драматическими, а временами и курьезными эпизодами

Текст

Игорь Тышецкий

2 декабря 1917 года начались германо-русские переговоры о перемирии, хотя военные действия на восточном фронте были прекращены еще ранее. Состав первой советской международной делегации стоит того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Всего в делегацию входили двадцать восемь человек. Из них девять относились к техническому персоналу (переводчики, юристы, писарь и ординарцы), а остальных можно было разбить на три группы. Первую из них составляли шесть уполномоченных вести переговоры: большевики Адольф Иоффе, Лев Каменев, Григорий Сокольников, Лев Карахан и левые эсеры Анастасия Биценко (единственная женщина на переговорах) и Сергей Масловский. Среди них непосредственно на переговорах говорили только двое первых. Остальные глубокомысленно молчали.

Будущему заместителю наркоминдел и советскому полпреду Льву Михайловичу Карахану, считавшемуся секретарем российской делегации, было вообще не до переговоров. Он занимался в Бресте бизнесом, точнее говоря – валютной спекуляцией. Карахан продавал на местном рынке рубли (здесь за сто рублей давали 350 марок), а полученную немецкую валюту менял в Петрограде, где в то время марка стоила восемь рублей. Но иногда офицерам из состава русской делегации хотелось, чтобы Иоффе и Каменев тоже замолчали. Хорошо гово-

Фрагмент взят из книги Игоря Тышецкого «Происхождение Второй мировой войны» (Международные отношения, М. 2020), и переделан автором специально для журнала «Вокруг света»

рить они умели только на митингах, а когда необходимо было вести речь по существу, постоянно путались и говорили глупости. Об этом довольно подробно написал подполковник российского Генерального штаба Иван Фокке, сам бывший участником тех переговоров.

КРЕСТЬЯНИН И ЦАРЬ

Другую группу составляли рядовые члены делегации. В нее по большевистской разнарядке входили матрос, солдат, рабочий и крестьянин. Рабочий запомнился, главным образом, своим развязным поведением и периодическим хамством по отношению к германским офицерам.

Но самой колоритной личностью в составе советской делегации был крестьянин Роман Сташков. По разным воспоминаниям, большевики, у которых в наспех составленной делегации отсутствовал крестьянин, подобрали его в Петрограде за несколько часов до отъезда, когда он шел на вокзал, чтобы уехать домой в Белгородскую область. Посулами и обещаниями мужика с лохматой бородой ив зипуне уговорили «представлять крестьян» в советской мирной делегации в Бресте. Там его почти не видели трезвым. Обычно он молчал и лишь за обедом интересовался у разливавших белое и красное вино немцев, «которое из них покрепче будет».

Наконец, в последнюю группу входили девять военных и морских специалистов во гла-

Русские солдаты выходят из окопов, бросают оружие и сдаются. 1915 год

ве с контр-адмиралом Василием Михайловичем Альтфатером, внешне похожим на Николая II, из-за чего случались даже забавные конфузы. Местный православный батюшка, например, решил, что в переговорах тайно участвует бывший император.

Без военных специалистов «уполномоченные» были бы как слепые котят. С германской стороны все было проще. Среди переговорщиков были только военные Четверного союза, а руководил ими генерал-майор Макс Гофман, бывший начальником штаба Восточного фронта. Обычно Гофман, не перебивая, выслушивал пламенные выступления Иоффе и Каменева, а затем вежливо просил их перейти к делу.

ТУПИК НА ПЕРЕГОВОРАХ

15 декабря перемирие было подписано. Оно было рассчитано на двадцать восемь дней. Соглашение носило исключительно технический характер – войска оставались на тех позициях, где они к этому времени находились. Немецкие специалисты особо подчеркивали, что речь идет именно о военных условиях, а идеологические и территориальные дискуссии – это «дело политиков». Боль-

шевики, правда, в своих информационных сообщениях все равно заявляли, что немцы согласились вести переговоры на предъявленных им условиях. Под ними подразумевался мир без аннексий и контрибуций и право наций на самоопределение.

С тех пор идеологический самопиар, рассчитанный на внутреннее потребление, стал неотъемлемой частью советской внешней политики, но тогда риторика большевиков была направлена, прежде всего, вовне. «Мы верим, – говорил Троцкий 7 декабря на заседании ВЦИК, – что окончательно будем договариваться с Карлом Либкнехтом, и тогда мы вместе с народами мира перекроим карту Европы». Очень скоро, однако, в Петрограде поняли, что выдвинутые большевиками «условия» являлись для Германии пустым звуком.

Мирные переговоры открылись в Брест-Литовске 22 декабря 1917 года. Советскую делегацию снова возглавлял Иоффе, делегации стран Четверного союза – германский статс-секретарь по иностранным делам Рихард фон Кюльман и австрийский министр иностранных дел граф Оттокар Чернин. Были в Бресте и представители Турции и Болгарии.

Уже на первых заседаниях советская делегация убедилась, что от «мира без аннексий» немцы не оставили и следа. Уводить свои войска с оккупированных российских территорий они не собирались. Хотя Германии был тоже нужен мир, поскольку немцы готовили масштабную наступательную операцию на западном фронте, они настаивали на сохранении контроля над Польшей и Балтией, чтобы иметь буфер перед «большевистской угрозой». Переговоры были близки к провалу, и Иоффе грозился покинуть Брест-Литовск. Однако успех на переговорах был необходим всем – большевикам, немцам, австрийцам. Хуже всех положение было у австрийцев – в Вене начинались голодные бунты, а в Будапеште – погромы германского консульства. Видя тупиковость создавшейся ситуации, Чернин даже предупредил немцев, что Австрия самостоятельно начнет «сепаратные переговоры с русскими».

Когда переговоры уже готовы были сорваться, Кюльман предложил большевикам «компромисс» – сделать перерыв до 5 января под благовидным предлогом: дать время странам Антанты присоединиться к переговорам о «мире без аннексий и контрибуций», хотя на такой сценарий никто всерьез не рассчитывал. У немцев были сильные опасения, что большевики сами не захотят вернуться в Брест после Нового года, поэтому, когда

пришла телеграмма о прибытии советской делегации, это известие было встречено «с восторгом».

На этот раз делегацию возглавлял Лев Троцкий. Участие в переговорах в Брест-Литовске стало лебединой песней его «дипломатической» деятельности.

НОВЫЙ ПОВОРОТ

Троцкий отправился в Брест с целью затянуть переговоры и выиграть время для мировой революции. На заседаниях он блистал ораторским искусством, произнося длинные пламенные речи, которые были рассчитаны не на тех, кто слушал его, а на широкие массы в Европе. Задача была все та же – раздуть пожар революции, прежде всего, в Германии и Австрии.

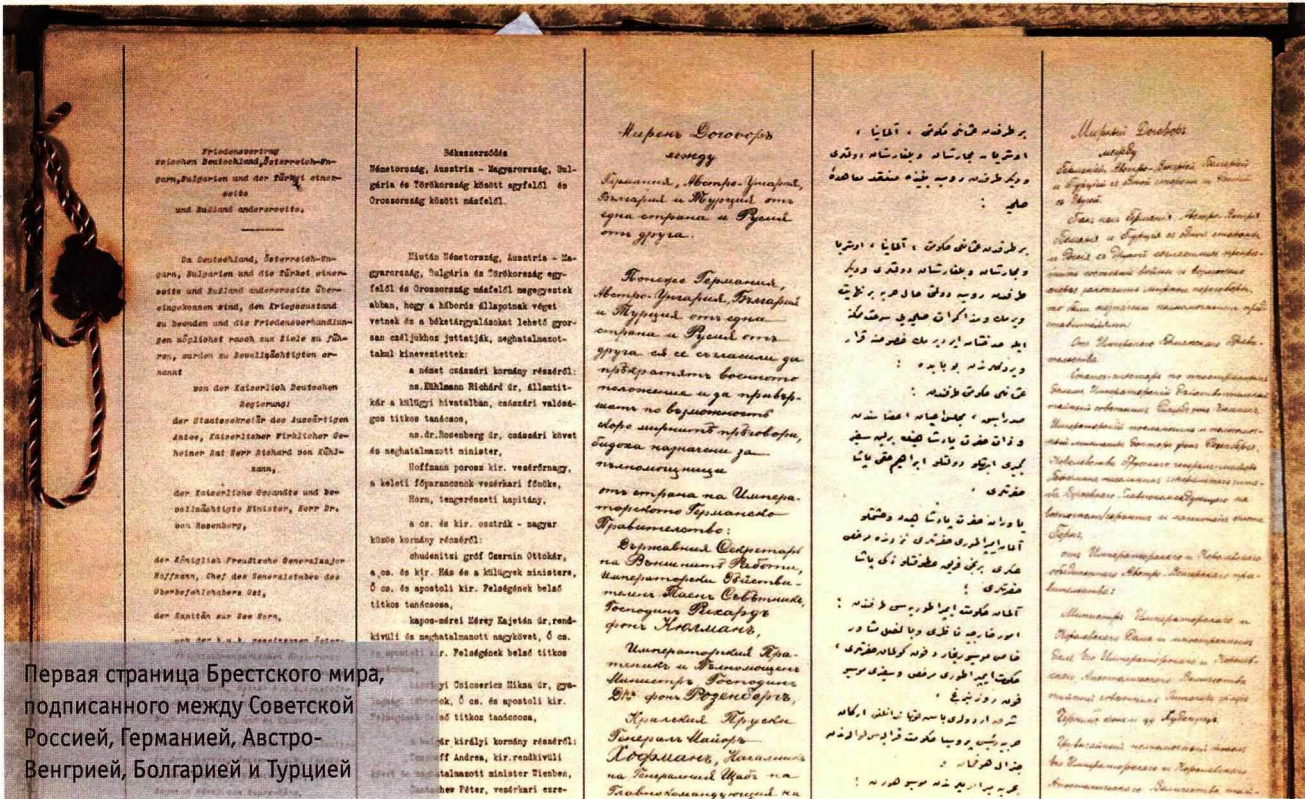
Он скорее агитировал, чем вел переговоры. Однажды это привело к тому, что, увлекшись революционной риторикой, Троцкий совершил грубый просчет. Он предложил немцам пригласить в Брест представителей Польши, Литвы и Курляндии, чтобы непосредственно от них услышать, какой они видят свою дальнейшую судьбу. Немцы моментально ухватились за это и согласились доставить

представителей властных структур оккупированных ими территорий в Брест. Пришлось Троцкому идти на попятную и объяснять, что кандидатуры таких представителей должен одобрить он сам.

Тем временем, переговоры в Бресте пополнились совершенно новым сюжетом. Прибыли посланцы независимой Украины. Поначалу они робко жались по углам и жаждали лишь одного – официального признания странами Четверного союза. Но видя отчаянное положение Австрии, где нехватка продовольствия грозила вылиться в восстание, украинцы быстро освоились и предложили себя в качестве альтернативного участника переговоров.

ТРОЦКИЙ ОТПРАВИЛСЯ В БРЕСТ, ЧТОБЫ ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ ДЛЯ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая страница Брестского мира, подписанного между Советской Россией, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией

Прибывшие киевляне обладали в глазах Четверного союза бесспорным преимуществом. «Украинцы, – записал в дневнике граф Чернин, – сильно отличаются от русских делегатов. Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и очень мало – социализмом. Они, в сущности, не интересуются Россией, а исключительно Украиной». Троцкому совершенно не нравилось присутствие в Бресте самостоятельной украинской делегации, но постоянными рассуждениями о праве наций на самоопределение большевики сами себя загнули в угол, и теперь вынуждены были признать равноправие переговорщиков из Киева. Троцкий категорически возражал, чтобы Германия и Австрия заключили договор с представителями Рады (хотя к тому времени большевики прислали собственных дополнительных переговорщиков от Украины) и могли получить украинское продовольствие. Такой мир означал крушение всей его стратегии, направленной на то, чтобы тянуть время, распаяя протестные настроения в Берлине и Вене. Ожидания большевиков на скорые революции в Германии и Австро-Венгрии не оправдались. Последнее, что

он мог сделать, – это заявить об окончании войны и одновременно отказаться подписывать мирный договор.

НИ ВОЙНЫ, НИ МИРА

11 февраля Троцкий покинул Брест. Закончилась самая необычная в истории мирная конференция. Перемирие все еще действовало, но мира не было. Так родилась ставшая широко известной формула «ни войны, ни мира». Оригинальный выход, найденный Троцким, не решал стоявших перед Россией проблем, но зато позволил в те дни Ленину удержать власть в партии и не дать ей расколоться. Со своей формулой Троцкий выступил связующим звеном между сторонниками крайних взглядов в большевистской партии – немедленного мира любой ценой и продолжения войны, теперь уже «революционной».

Драма сепаратного мира, однако, на этом не закончилась. Большевики начали демобилизацию российской армии, поскольку от нее теперь было гораздо больше проблем, чем пользы. Многие солдаты и даже офицеры занимались пьянством и грабежами. Дезертирство с оружием в руках приняло невиданные масштабы. Троцкий вспоминал, что

во время своего первого пересечения фронта на пути в Брест-Литовск в январе 1918 года он и его единомышленники в окопах «не могли уже подготовить сколько-нибудь значительной манифестации... окопы были почти пусты».

Многочисленная антивоенная агитация революционеров сказывалась самым печальным образом. От такой армии лучше было избавиться и постараться создать новую, хоть это и требовало времени. Как всегда, Троцкий смотрел на события с точки зрения мировой революции. Он понимал, что неподписание мирного договора может привести к возобновлению войны и началу немецкого наступления на Петроград, но находил «революционную» выгоду в том, что это покажет всему миру агрессивность германского империализма. Свою политическую формулу Троцкий поспешил дополнить, и теперь она выглядела следующим образом: «войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем». Если немцы начнут наступление, рассуждал Троцкий, «мы всегда успеем капитулировать достаточно рано». Позиция Троцкого находила в целом полное понимание Ленина, хотя последний больше склонялся к раннему, как он его называл «аннексионистскому миру». «Приличия соблюдены, а война закончена», – примирительно говорил Ленин, не скрывая своего облегчения.

Наступление германской армии все-таки началось 18 февраля, а спустя всего две недели, 3 марта, было наконец подписано мирное соглашение. Хотя армией наступавшие германские части назвать было трудно. Соединения, насчитывавшие буквально 100–200 человек брали российские города, из которых в панике разбежались немногочисленные красноармейцы и представители революционной власти. Новые условия, продиктованные немцами, были, как и опасались большевики, более жесткими, чем те, что предусматривались ранее. Россия теряла новые территории, обязывалась выплатить трехмиллиардную скрытую контрибуцию и признать независимость Украины.

Но на этот раз советская делегация подписала мирный договор, как образно выразился Троцкий, «не читая». Брестская революционная авантюра была закончена. Большевиков принудили подписать «аннексионистский» мир. Правда, условия Брестского мира просуществовали недолго – в ноябре 1918 года они были отменены Компьенским перемирием на Западе. А летом 1919 года в Париже Антанта окончательно раскромсала Германию. 🌐

«Штампуй уже, человек-печать!» – карикатура из чикагской газеты Saturday Blade, 1918 год

Русские военнопленные празднуют подписание мира с Германией